

Исследовательская статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-131-147>

Парк «Молитвы императора» (г. Циньхуандао) с точки зрения репрезентации китайской культурной идентичности

Мария Сергеевна Лютаева¹, Кунь Лю²

^{1,2} Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

¹ liutaeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9972-6674>

² guoliukun@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-4094-8022>

Аннотация. Актуальность проблемы выстраивания обновлённых версий национальной идентичности и встраивания этих версий в контекст лоскутной глобализации обусловила в том числе интерес к особенностям межкультурного взаимодействия в условиях современной «эпохи социальной турбулентности». Цель данного исследования — описать модели репрезентации китайской культурной идентичности на примере ландшафтного парка «Молитвы императора» в г. Циньхуандао. Для достижения этой

цели потребовалось, во-первых, проанализировать основные тенденции выстраивания идеологии государственного развития КНР в контексте процессов глобализации; во-вторых, описать объектную и культурно-семиотическую структуру парка «Молитвы императора» в призме «тренда на китаизацию», т.е. направленности на осознание и манифестацию китайской специфики; в-третьих, установить смысловые компоненты, связывающие объекты парка в единое целое и восстановить нарратив, увязывающий современную идеологию и историко-мемориальные реконструкции. Материалами данного исследования послужили, с одной стороны, непосредственно объект ландшафтной архитектуры; с другой — исследование условий, средств и методов формирования современной «китайской идентичности». Опираясь на коммуникативный подход, мемориальные исследования и понимание архитектуры как текста, а образов — как смыслопорождающей среды, подробно проанализированы: основные подходы к интерпретации «тренда на китаизацию»; парк как пример современной китайской ландшафтной архитектуры; значимые компоненты парка — планировка, скульптуры, рельефы, которые сопоставляются с историческими сведениями и культурными фактами, определена их роль в современном китайском обществе. В результате обосновано, что китайская культурная идентичность репрезентируется посредством апелляции к исторической памяти в единстве с пространственно-образными решениями. Будучи тематически посвященным Эпохе Сражающихся царств (Чжаньго), созданию первой китайской империи, а также поискам бессмертия,

парк воспроизводит такие значимые компоненты культурной идентичности, как ценность нарратива о сильном едином государстве, которое является в том числе морской державой; значимость образования и традиционных учений (конфуцианства, даосизма, инь-ян), языка, поэзии, технологий административного управления, военного искусства и медицины, стремления к долголетию. Акцентируется формирование этих ценностей в обозначенный исторический период. Примечательна трансформация идеи физического бессмертия в современный символ целеустремленности, стойкости и освоения неизвестного.

Ключевые слова: культурная идентичность, китайская культура, парк Молитвы императора, г. Циньхуандао, парк, коммуникативный подход, семантика образов

Для цитирования: Лютаева М. С., Лю К. Парк «Молитвы императора» (г. Циньхуандао) с точки зрения репрезентации китайской культурной идентичности // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 131–147. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-131-147>

Research article

Site Emperor Qing Begging Immortality (Qinhuangdao City) from the Perspective of Representing Chinese Cultural Identity

Maria S. Lyutaeva¹, Kun Liu²

^{1,2} Vladimir State University, Vladimir, Russia

¹ liutaeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9972-6674>

² guoliukun@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-4094-8022>

Abstract. The relevance of renewing national identity images and integrating them within the patchwork of globalization is closely related with the heightened interest in intercultural communication in times of so-called social turbulence. This study aims to describe a model of representation of Chinese cultural identity using the example of the park named *Site Emperor Qing Begging Immortality* in Qinhuangdao. To achieve this several tasks were undertaken: firstly, to analyze the main tendencies of the construction of the ideology of state development of the PRC in the context of globalization; secondly, to describe the objective and cultural-semiotic structure of the Park in light of the *Sinicization trend*, i.e. the focus on the awareness and manifestation of Chinese specificity; thirdly, to establish the semantic components that link the objects of the park into a coherent whole and to restore the narrative that links modern ideology with historical and memorial reconstructions. The material for the study are both the very objects within the park on the one hand and literature on the formation of modern Chinese identity on the other. Using a communicative approach, memorial studies, and understanding architecture as a text and images as a semantic medium, the authors analyze the main interpretations of the Sinicization trend and the park as an example of modern landscape architecture. This includes its key components, such as the layout, sculptures, reliefs referring to the historical evidence and cultural phenomena, as well as determine their role in today's Chinese society. As a result, it is substantiated that Chinese cultural identity appeals to historical memory in conjunction with spatial structures and images. The park is thematically dedicated to the Era of the Warring States (Zhanguo), the creation of the first Chinese Empire, as well as the search for immortality. It reproduces significant components of cultural identity such as the value of a strong unified state, including being a maritime power, the importance of education, traditional teachings

(Confucianism, Taoism, Yin-yang), language, poetry, technology of administrative management, military art and medicine, and a striving for longevity. The formation of these values in the designated historical period is emphasized. The transformation of the idea of physical immortality into a modern symbol of determination, perseverance and exploration of the unknown is noteworthy.

Keywords: cultural identity, Chinese culture, Site Emperor Qing Begging Immortality, Qinhuangdao city, park, communicative approach, semantics of images

For citation: Lyutaeva, M. S., Liu, K. (2025) 'Site Emperor Qing Begging Immortality (Qinhuangdao City) from the Perspective of Representing Chinese Cultural Identity', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(1), pp. 131–147. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-131-147>

Введение: проблема «китайской идентичности» в призмe материальных объектов

Актуальность исследования феномена идентичности коренится в фундаментальной философской проблеме поисков оснований социальной солидарности, некоторого «общего знаменателя», объединяющего людей различных поколений, сфер деятельности и интересов в единое сообщество. Какие факторы способствуют общественной стабильности и противостоят аномии? Что отличает один гражданский коллектив от другого? Какую роль в процессе консолидации играют язык, религия, законы, власть, искусство? Эти вопросы волновали мыслителей, начиная с древнейших времён существования письменной культуры, и они напрямую связаны с проблематикой идентичности. В настоящее время неугасающий исследовательский интерес к данной сфере объясняется необходимостью выстраивания межкультурного взаимодействия в условиях «эпохи социальной турбулентности», когда масштабные изменения перестраивают жизнь как целых сообществ, так и отдельных индивидов» [Силантьева, Глаголев, 2024: 161].

Понятие идентичности в социогуманитарном дискурсе становится одним из ключевых, выступая маркером общественных сдвигов, фактором социальных изменений. В современном полицентричном мире, как

отмечает И. С. Семененко, «средостением нового миропорядка становится право на выбор собственного пути на основе присущих данному обществу ценностных установок и цивилизационных ориентаций» [Семененко, 2023a: 10]. Таким образом, идентичность (национальная, гражданская, культурная) рассматривается как нематериальный ресурс социального согласия и общественного развития, ценностно и этически ориентированный [Семененко, 2023b: 24].

Как известно, интерес к идентичности как специфическому ракурсу исследования социокультурных процессов возникает в рамках научной психологии в 1970-х гг., в частности, в трудах Э. Х. Эриксона, который использует данное понятие для описания феномена личностного «вдохновенного ощущения тождества и целостности», сопровождающегося активным напряжением, отсутствием уверенности и гарантий, локализованным не только в «ядре индивидуальной, но также и общественной культуры»¹. Далее в контексте социальной теории это понятие адаптируется под её специфику и приобретает различные, часто дискуссионные, оттенки понимания. Например, возникают такие конструкции, как «социальная идентичность», «культурная идентичность», «национальная идентичность». Согласимся с А. А. Лисенковой, которая определяет социокультурную идентичность как «систему “координат” идентификации, включающую комплекс

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие. Москва: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. С. 28.

ценностей, норм и образцов поведения, убеждений и систем представлений, символов и образов культуры» [Лисенкова, 2022: 13].

В то же время, в контексте системно-коммуникативной теории Н. Лумана термин «идентичность» в условиях современной общественной дифференциации маркирует, с одной стороны, ситуацию незаданности, неизвестности, контингентности (т.е. не необходимости, возможности быть иным) положения личности/системы, с другой, потребность в обретении «самости», «неповторимости» и «социальной предсказуемости» [Луман, 2011: 452].

Не остался в стороне от интереса к теме идентичности и современный Китай. Как отмечают Янань Чэнь и М. Н. Фомина, проблема культурной идентичности начиная с 1990-х гг. становится одной из доминирующих в китайской гуманитарной науке, выступая «не только как способ определения рамок жизненного пространства, но и своеобразный базис консолидации общества и фактор сохранения государственности» и обеспечивая реализацию стратегии «устойчивого гармоничного развития» [Чэнь, Фомина, 2022: 11–12]. Согласно актуальной государственной программе КНР, в центре внимания находится «человек, его благо и интересы»². Преследуя главную цель строительства современного социалистического государства и осуществления «китайской мечты о великом возрождении нации», руководство КНР акцентирует необходимость опоры на «китайскую специфику», т.е. в стране складывается устойчивый тренд на китаизацию (中国化 Zhōngguó huà) и недоверие иностранному [Зуенко, 2024: 119].

Исследования показывают, что проблема культурной идентичности в китайском контексте значима, с одной стороны, из-за тенденций глобализации в меняющемся мире, с другой, ввиду этнического, экономического, географического разнообразия, а также административно-территориальной полицентричности Китая. Янань Чэнь

и М.Н. Фомина, которые осуществили подробный обзор теории культурной идентичности китайского антрополога Чжэн Сяюня, сообщают, что на сегодняшний день именно его идеи служат «главной теоретической и методологической основой исследований по данной проблематике в КНР» [Чэнь, Фомина, 2022: 9]. Согласно Чжэн Сяюню, культурная идентичность выступает стержнем культуры, обобщает все её аспекты: «культурный состав можно разделить на две части: одна — это различные компоненты культуры, а другая — культурная идентичность» [中郑晓云, 1992: 37]. Обратившись к системному принципу, полагает китайский философ, можно рассматривать компоненты культуры как элементы её целостной системы; идентичность при этом маркирует отношения и структурированность, то есть выполняет связующую роль в культурном бытии (文化存在 Wénhuà cúnzài). Представляя собой исторически развёртывающийся феномен, соответствующий определённому временному этапу, культурная идентичность отражает его и меняется вместе с социальными изменениями [中晓云, 1992: 67]. Чжэн Сяюнь также выявляет прямую зависимость между степенью «силы» культурной идентичности и успешностью развития конкретной культуры в условиях межкультурной коммуникации, возможностями завоевания ею устойчивых позиций [中晓云, 1992: 37–38].

Локации и основные элементы парка «Молитвы императора» в единстве его культурных составляющих

В настоящем исследовании феномена репрезентации китайской культурной идентичности мы обратимся к конкретному примеру — парку, дословное название которого «Место, где Цинь Ши-хуанди отправился в море, чтобы найти бессмертие» (秦皇求仙入海处 qín huáng qiúxiān rùhǎi chù) в г. Циньхуандао (провинция Хэбэй, Китай). На русский язык название переводят как «Парк

² Зуенко И. XX съезд Компартии Китая: основные итоги. 2022. 28 окт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnyye-itogi/?ysclid=m39soyhak5509947456>

молитвы императора»³. Данный объект выбран для рассмотрения по нескольким причинам: во-первых, это активно продвигающаяся правительством достопримечательность города для посещения китайскими и иностранными туристами, в чём нам лично удалось убедиться; во-вторых, сфокусированность на зарождении единого китайского государства («срединного государства» 中国), значимости исторических деятелей и духовных компонентов культуры; в-третьих, важность морских путей сообщения и технологий мореплавания, т.к. смысловая доминанта парка представлена легендой об экспедиции к островам бесмертных, организованной Сюй Фу по инициативе императора. Повествование о Сюй Фу включено в список нематериального культурного наследия Китая⁴, оценивается как способствующее культурному обмену между Китаем, Японией и Южной Кореей, «становясь узами эмоциональной связи между народами трёх стран», акцентирует ценность стремления к освоению неизведанного, стойкости и целеустремлённости перед лицом различных вызовов⁵.

Поскольку объект исследования — парк (т.е. пример ландшафтной архитектуры), необходимо было привлечь соответствующие методы анализа. Мы будем опираться на коммуникативный подход, рассматривающий архитектуру как некоторое сообщение, содержащее информацию, конкретную форму подачи и ожидание определённого понимания со стороны наблюдателей. Созвучным подходом представляется семиотическая трактовка урбанистического пространства как «текста культуры», когда городская среда описывается как результат исторической и культурной жизни города, включая взаимосвязь природного и рукотворного компонентов

[Медведева, 2022: 68, 70]. В контексте исследования репрезентации идентичности обозначенные методы актуальны ввиду того, что одними из главных системных элементов культурной идентификации выступают культурная память, а также единство пространства и образов этого пространства. И. Инишев, анализируя пространственность образности, различает «сильные» образы, которые в отличие от «слабых» генерируют смыслы, требуют от наблюдателя времени и соблюдения дистанции, внеповседневны, ценны самим опытом восприятия [Инишев, 2011: 117, 119]. В этом ключе, т.е. как образы в пространстве, мы будем рассматривать значимые элементы ландшафтной архитектуры.

«Парк молитвы императора» был заложен в 1991 г., занимает площадь 19 гектаров, расположен недалеко от моря в Бохайском заливе, привлекателен красивым пейзажем и разнообразной фауной. Его можно отнести к жанру тематического исторического парка, т.е. культурно-развлекательного комплекса, посвящённого историческому прошлому, которое визуализировано с учётом возможностей массового посещения с просветительскими целями. В парке посетители знакомятся с эпохой «Сражающихся царств» (戰國時代, Zhànguó Shídài, Чжаньго, V в. до н.э. – 221 г. до н.э.), её завершением и созданием единой империи Цинь (221–206 гг. до н.э.). Общим лейтмотивом выступает идея бессмертия, артикулированная в названии и подчёркнутая архитектурной композицией центральной площади парка. Несмотря на то, что Парк «Молитвы императора» современный, он несёт в себе черты, характерные для традиционных китайских парков, эстетика которых складывалась, начиная с эпохи Шан (XVI–XI века до н.э.), вобрав в себя влияние философских,

³ Парк молитвы императора. URL: <https://www.chinatrips.ru/beidaihe/attraction/immortality-into-the-sea.html>. На английский язык название парка переводится «Site Emperor Qing Begging Immortality». URL: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g297430-d1810475-Reviews-Site_Emperor_Qing_Begging_Immortality-Qinhuangdao_Hebei.html

⁴ 徐福传说 (Легенда о Сюй Фу). URL: https://www.ihchina.cn/search_result/keyword/徐福

⁵ 徐洪绕：徐福传说在现代社会的价值与应用 (Сюй Хунжао: Ценность и применение легенды Сюй Фу в современном обществе). URL: <https://www.cflas.com.cn/mx/MXDT/85c041cc07694d6eb3a367014b0c2216.html>

религиозных взглядов, а также таких видов искусства, как каллиграфия, живопись и музыка⁶.

Небольшая историческая справка. В Период Сражающихся царств (戰國時代, Zhànguó Shídài, Чжаньго, 480–221 до н.э.) шла борьба между семью царствами: Чжао, Хань, Цинь, Вэй, Янь, Чу и Ци. Несмотря на контекст вражды и соперничества, в V–IV вв. до н.э. Китай переживал определённый экономический подъём в условиях сложившейся «системы мультигосударств», приобретших собственные сферы экономического доминирования [Кошевой, 2014: 34]. Происходит активная урбанизация, развитие ремёсел и искусств, институционализация образования, которое становится престижным⁷. То время также отмечено активной социально-философской полемикой между сторонниками **конфуцианской модели** государственного управления, предлагавшей опираться на этическое ядро и неизбежность древних традиций, отождествлявших государство с семьёй, и **легистами**, выбравшими в качестве ориентира приоритет власти силы, жёсткого порядка, общеобязательное нормативное регламентирование, реформирование, в т.ч. порывающее с традициями.

Локации парка акцентируют для каждой территории её общественные достижения. Так, для царства Ци, которое уже с IX в. до н.э. было одним из лидеров, культурным маркером становится академия Цзися (稷下學宮, Jìxià xuégōng), считавшаяся самым известным и авторитетным учебным заведением этого периода. Её расцвет пришёлся на время правления Сюань-вана (319–301 г. до н.э.), когда «учёные в Цзися процветали», причём, это были представители практически всех основных философских школ того времени: **конфуцианства, даосизма, иньянцзя, минцзя**⁸.

Столица царства Ци — город Линцзы, крупный торговый центр, где были развиты металлообработка (железа и бронзы), распространены ремёсла, ткачество, чайные и винные дома. В парке созданы интерактивные макеты мастерских, внутри которых можно сфотографироваться и ощутить колорит времени.

В этой же зоне парка расположен рельеф «**Конфуций** услышал о Шао» (рис. 1). Здесь изображён Конфуций, слушающий мелодию, исполняемую музыкантом-флейтистом, и изящные танцовщицы в традиционных одеждах с длинными рукавами и лентами.

Рис. 1. Рельеф «Конфуций услышал о Шао».

Fig. 1. Relief Confucius heard of Shao.

Рельеф включает цитату из «Лунь Юй»: «Философ во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трёх месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна»⁹. «Шао» — это музыка, относящаяся к эпохе императора Шуня, одного из легендарных правителей т.н. «золотого века прошлого», идеализированного Конфуцием [Васильев, 1995: 140–141]. Император Шунь (舜 shùn, 2255–2205) отличался почтительностью к

⁶ Новикова Е. В. Традиции садово-паркового искусства в контексте истории китайской культуры: диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01. Москва, 2006. С. 3, 64.

⁷ Переломов Л.С. Империя Цинь. Москва: Восточная литература, 1962. С. 24.

⁸ Го Мо-жо. Философы Древнего Китая. Десять критических статей. Москва: Иностранная литература, 1961. С. 218–219.

⁹ Конфуций. Суждения и беседы. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 64.

старшим, умеренностью, мудростью и добродетельностью. Его считают реформатором в области музыки, которая, по мнению Шуня, «способна лучше исправлять нравы, чем самые жёсткие законы»¹⁰. Рельеф, размещённый в парке, напоминает, что в конфуцианстве этика, основные понятия которой — «жень» (仁) — человеколюбие, «и» (义) — чувство долга и справедливости, «ли» (礼) — почтительность, ритуальный церемониал — неразрывно связаны с эстетикой, главная роль в которой принадлежит музыке. Внутренне правильная, гармоничная музыка «юэ» (乐) помогает следовать нравственно правильному пути «дао» (道) в масштабе личности и общества [Пэн, 2011: 5].

Область естественно-научных достижений представлена скульптурной группой «Бянь Цюэ занимается медициной» (рис. 2).

Рис. 2. Бянь Цюэ занимается медициной.

Fig. 2. Bian Que is practicing medicine.

Здесь изображены две сидящие за столом мужские фигуры, слева — пациент, справа — лекарь Бянь Цюэ, который проводит диагностику заболеваний по изменению пульса. Врач и физик Бянь Цюэ (кит. 扁鹊; Bian Que, 407–310 до н.э.), уроженец царства Ци, приобрёл известность благодаря талантам в медицине. Ему приписывают практику внешнего осмотра, измерения пульса, прослушивания дыхания, наблюдению симптомов, лечения иглоукальванием, использования анестезии. Историческая фигура Бянь Цюэ приобрела среди китайцев мифический легендарный оттенок, что в т.ч. отражается в популярной среди посетителей парка традиции тереть голову скульптуре врача. Согласно верованиям, через прикосновение к статуе «передается» его медицинское искусство, что облегчает головную боль и улучшает здоровье. В то же время, такая «ритуальная» практика, характерная для туристических объектов, позволяет ощутить чувство сопричастности традиционной культуре.

На всей территории парка можно встретить красные ленточки, привязанные к деревьям или специальным стойкам (рис. 3). У них существует несколько названий: цифу дай (祈福带 qífú dài) происходит от слов 祈福 qífú — просить благословения неба (богов), молить о счастье; 带 dài — лента; пояс; ремень; сюйюань дай (许愿带 xǔyuàn dài) — от 许愿 xǔyuàn дать обет, обещать отблагодарить (обычно — святого), загадывать желание; ping'an dai — от 平安 píng'ān спокойный, благополучный; безопасный; спокойствие, благополучие. Данная традиция, смысл которой состоит в загадывании желаний, сегодня стала довольно распространённой в Китае. Её корни — в народных верованиях и специфической семантике красного цвета, символизирующего жизнь, успех, удачу, благосклонную судьбу, счастье, престиж и высокий социальный статус (красный

¹⁰ Ежов В.В. Мифы древнего Китая. Москва: АСТ, 2004. С. 127.

цвет в китайской культуре часто маркирует праздничные события, а также выполняет роль оберега [Wu, 2019: 135–137]).

Рис. 3. Ленточки цифу дай.
Fig. 3. Qifú dài ribbons.

С областью медицины, а также народными магическими практиками врачевания, гадания и т.п. были тесно связаны натурфилософские построения **школы даосизма** и близкой к ней **школы инь-ян** (阴阳家 yīnyángjiā). В академии Цзися, о которой речь шла выше, среди учёных преобладали даосы (Тян Пэнь, Сун Цзянь, Инь Вэнь, Шэнь Дао, Хуань Юань) [Васильев, 2001: 221]. Как известно, учение даосизма возникает примерно в то же время, что и конфуцианство (в середине I т.л. н.э.), его легендарным основателем считают Лао цзы (老子, Lǎo Zi). Главный трактат того направления, «Дао дэ цзин» (道德經 Dào Dé Jīng), был записан примерно в IV–III вв. до н.э., возможно, кем-то из даосских учёных академии Цзися [Васильев, 2001: 223]. Ключевое понятие даосизма, «дао», концептуализировалось в китайской мысли задолго до рождения даосизма; оно многозначно и имеет глубокий религиозно-философский и праксиологический смысл. Л. С. Васильев так объясняет различие понимания концепции дао, сформировавшейся ещё в раннежоуском Китае: если для конфуцианства дао — это «сумма социальных регламентов, система дисциплины и этики», то для даосов — это «Всеобщий Закон Природы», основа метафизических построений [Васильев, 2001, 224].

Концепция инь-ян представлена в парке диаграммой Багуа (Восемь триграмм (八卦 bāguà, дословно «восемь гуа»),

визуализирующей этап исходного космогенеза в представлении китайской философии. Диаграмма расположена в локации, посвящённой царству Ян, а отдельная площадка выделена для памятника Лао-цзы (рис. 4), с размещённым на нём символом инь-ян, схемой 12-летнего цикла, состоящего из определённых животных (китайский зодиак).

Рис. 4. Скульптура Лао Цзы.
Fig. 4. Statue of Laozi.

Л.С. Васильев полагает, что отвлечённые рассуждения о дао, 5 первоэлементах, силах инь-ян представляли собой доктрину интеллектуальной элиты, которая была малопонятна простому населению; для него она была адаптирована через мифологическую форму, язык метафор и образов. Так учение об относительности бытия, жизни и смерти редуцировалось к единственной цели приложения усилий — достижению бессмертия. Как считает учёный, именно с популяризации учения о бессмертии берёт начало даосизм как религия. «Горячая проповедь идей долголетия и бессмертия не только снискала даосским магам и проповедникам большую популярность в народе и позволила им заложить фундамент новой религии,

но и предоставила даосам возможность завоевать положение в обществе и добиться благосклонности императоров, отнюдь не безразличных к этой идее» [Васильев, 2001: 241]. Религиозный даосизм, сконцентрированный на поисках бессмертия, принято называть «сянь-даосизмом» (от 仙 xiān — даосский отшельник, бессмертный, небожитель). Его история начинается в III в. до н.э., в период правления Цинь Шихуанди, которому как раз и посвящён парк.

Скульптурная группа «Проводы храбрцов» повествует о сюжете, описанном Сыма Цянем, когда воины государства Ян отправились в заговорщический поход, чтобы убить циньского вана: «Они дошли до реки Ишуй, принеся жертву духам дорог. Цзин Кэ наметил свой путь. Гао Цзянь-ли заиграл на гусях; вторя ему, Цзин Кэ запел. Пел он в тональности бяньчжи, и все собравшиеся мужи плакали, роняя слезу. Выйдя вперед, Цзинь Кэ пропел песню:

*Неприветливый ветер воет,
Стужа сковала Ишуй.
Отважный муж в дорогу уходит
И больше не вернётся назад.*

Он повторил песню в тональности юй, пел с воодушевлением. У всех провожавших широко раскрылись глаза, а волосы под шапками поднялись дыбом. Затем Цзин Кэ сел в повозку и уехал, ни разу не оглянувшись назад»¹¹.

Далее посетители проходят в зону, посвящённую царству Чжао, которое также было достаточно сильным в экономическом и военном отношении. В парковой зоне, посвящённой этому району, представлен комплекс барельефов, иллюстрирующих известные китайские афоризмы, сложившиеся на основе исторических сюжетов, взятых из эпохи Сражающихся царств. Приведём некоторые примеры.

Афоризм «перенять одежды северных варваров, научить стрельбе и верховой езде» (胡服骑射 húfú qíshè)¹², означающий успешное заимствование технологий,

произошёл от исторического факта эффективной военной реформы Улин-вана, правителя царства Чжао, который стал использовать одежды хусцев (т.е. северных тюркских народов) и практику стрельбы из лука с лошади¹³.

Словосочетание «вернуть нефрит в сохранности в царство Чжао» (完璧归赵 wán bì guī zhào) употребляется в значении необходимости возвращения ценного предмета законному владельцу. Изречение сформировалось на основе сюжета неудачного обмена у циньского вана 15 городов на драгоценный талисман мастера Хэ Ши Би (和氏璧, Hé Shì Bì) стал почитаться как один из национальных символов (рис. 5). Именно по приказу императора Цинь Ши-хуанди диск из нефрита, «камень жизни», был передан в Императорскую печать. По данным археологии, небольшие плоские диски «би» из нефрита, который наряду с яшмой почитался как камень-оберег, встречаются среди погребальной утвари древней династии Шан [Солодовникова, 2024: 25].

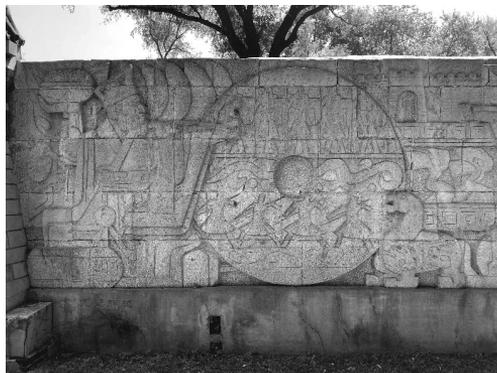

Рис. 5. Рельеф «Вернуть нефрит в сохранности в царство Чжао».

Fig. 5. Relief Returning the Jade Intact to Zhao.

Выражение «попусту теоретизировать», «кабинетные рассуждения»¹⁵ (纸上谈兵 zhǐ shàng tán bīng), опирается на исторический сюжет поражения войск Чжао в битве

¹¹ Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. В 9 т. Т. 8. Москва: Восточная литература, 2002. С. 42–43.

¹² 胡服骑射 húfú qíshè. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=胡服骑射>

¹³ Сыма Цянь, 2002, с. 326.

¹⁴ Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. В 9 т. Т. 7. Москва: Восточная литература, 1996. С. 247–249.

¹⁵ 纸上谈兵 zhǐ shàng tán bīng. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=纸上谈兵>

с царством Цинь при Чанпине, когда чжоусцы потеряли около 400 тыс. человек в результате неграмотного военного руководства Чжао Го.

Царство Чу репрезентировано композицией, посвящённой первому китайскому поэту Цюй Юаню (屈原 Qū Yuán, 340-278 гг. до н.э.) (рис. 6). Девизом поэта были слова: «Я утверждать стараюсь справедливость, я знаю, честность у меня в почёте»¹⁶. Поэт происходил из знатного рода, был верным советником царя Чу, искренне заботился о процветании своей страны, однако, будучи оклеветанным, оказался вынужден провести жизнь в скитаниях¹⁷. В поэме «Скорбь изгнанника» Цюй Юань критикует несправедливую обстановку при царском дворе, жадность, тщеславие и лицемерие поданных. От невозможности повлиять на действительность и помочь своей стране, поэт принимает решение покончить жизнь и бросается в реку Милуо. Считается, что от этого события ведёт свою историю один из 4-х национальных и глубоко почитаемых китайских праздников — Праздник Дуанью или Праздник драконьих лодок (端午节 duānwǔjié). Согласно фольклорной традиции, расстроенные жители стали бросать в реку клейкий рис, искать любимого поэта, плывая на лодках и стуча в барабаны. Однако дух реки сообщил, что его съел дракон. Так сложилась традиция соревнований на лодках, угощения рисом, завернутым в листья тростника, и связь этого дня с драконами¹⁸. Композиция памятника состоит из фигуры поэта, обращающегося к Небу, и размещённым за ним фрагментом из его поэмы «Скорбь изгнанника», записанным древним китайским письмом. Цюй Юань словно восклицает:

*«Справедливое Небо,
Ты закон преступило!
Почему весь народ мой
Ты повергло в смятенье?»¹⁹*

Рис. 6. Скульптура поэта Цюй Юаня.
Fig. 6. Statue of a Chinese poet Qu Yuan.

Площадь парка посвящена непосредственно императору. Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝, Qín Shǐ Huáng-dì, первоначально ван Ин Чжэн, правитель государства Цинь, 259–210 гг. до н.э.) — легендарный император, чьё имя, став нарицательным, обозначает безжалостного, но успешного политического лидера и организатора. После победы над царствами-конкурентами (221 г. до н.э.) и беспрецедентного установления «спокойствия в Поднебесной», он присвоил себе титул хуанди, связав легитимность императорской власти с одним из Трёх божественных властителей и Пяти государей — Хуанди, Жёлтым императором. С этого времени всех правителей императорского Китая называли именно так — хуанди (皇帝 — «священный император», «властитель-император»)²⁰, т.е. «тот, кто

¹⁶ Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы. Москва: Восточная литература, 1994. С. 146.

¹⁷ Там же, с. 139–140.

¹⁸ Праздник драконьих лодок в Китае. URL: <https://kitau.ru/stati/china-life/prazdnik-draconikh-lodok-v-kitae/>

¹⁹ Бамбуковые страницы, с. 140.

²⁰ Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. В 9 тт. Т. 2. Москва: Восточная литература, 2003. С.62.

соединяет триаду — небо, землю и человека».²¹ Правление Цинь Ши-Хуанди отличалось системой жёсткой централизованной администрации, в идейном плане опиралось на учение школы фа-цзя (法家 fǎjiā). Фа-цзя, или в европейском варианте легизм, подчёркивал необходимость неукоснительного повиновения приказам, подавления критики, применения суровых наказаний за провинность.

Можно выделить целый ряд значимых государственных мероприятий, укрепивших единую империю того периода. Это прежде всего введение единого законодательства и налогообложения, унификация письменности — в частности, стиля иероглифического письма «лишу» (隶书 lishū), который сохранился вплоть до XX в.; введение календаря, унификация культов; складывается название народа — цяньюшоу (黔首 qiánshǒu) т.е. черноголовые²²; внедряется также общая система мер и весов, денежных единиц; развивается сеть дорог, идёт строительство оборонительных сооружений — Великой китайской стены (万里长城 wànlǐ chángchéng, дословно «стена длиной в десять тысяч ли») и т.д.

Если обратиться к аналитике смыслов городской архитектуры, предложенной Г. Ревзиным, площадь как «общественное пространство» оказывается идеальной формой для демонстрации властного дискурса, это «экспликация правил контроля, принятых в данном социуме» [Ревзин, 2019: 100]. Площадь парка (напомним, что его дословное название «Место, где Цинь Шихуанди отправился в море, чтобы найти бессмертие»), помимо фигуры императора (рис. 7) акцентирует тему бессмертия, актуальную в контексте учения о «пестовании жизни» (ян шэн 養生). Для китайской традиции (особенно даосской) с древнейших времён характерен высокий онтологический статус жизни, а следовательно, ценность повседневности, здоровья и долголетия. В рамках

принципа «пестования жизни», смерть представлялась злом, а жизнь — абсолютным благом. Смерть пытались преодолеть, причём, как отмечает Е. А. Торчинов, ввиду отсутствия в китайском мировосприятии противопоставления духовного и материального, но понимании их во взаимосвязи (категория «ци» 氣), бессмертие предполагалось именно физическое²³.

Рис. 7. Площадь парка.

Статуя императора Цинь Ши-хуанди.

Fig. 7. Park square.

The Statue of the Emperor Qin Shi Huang.

В центре площади расположена колоссальная статуя императора. Он запечатлён в момент проведения ритуала, фигура развернута к морю. Статуя дополнена религиозной атрибутикой, связанной с культом предков, плодородия и «пестования жизни»: чаша для вина цзюэ (爵 jue) и квадратный металлический котёл для варки мяса дин

²¹ Комментарии к главе шестой. Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. В 9 тт. Т. 2. Москва: Восточная литература, 2003. С. 332.

²² Сыма Цянь, 2003. С.64.

²³ Торчинов Е.А. Жизнь, смерть, бессмертие в универсуме китайской культуры. 2007. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/torchinov-ea/zhizn-smert-bessmertie-v-universume-kitayskoy-kultury-0>

(鼎 *dǐng*) с изображенной на нём зооморфной маской тао-тэ (饕餮 *tāotiè*). Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, император всегда полагался на помощь предков во время объединения и умиротворения Поднебесной, постоянно консультировался с различными гадалками и врачевателями, поклонялся Небу и Земле, духам гор и водоёмов, проявлял увлечённость даосскими практиками поиска бессмертия, а также идеей круговорота (взаимопреодоления) пяти добродетельных стихий — 5 дэ (五德 *wǔdé*) — металл, дерево, вода, огонь, земля (金木水火土 *jīn mù shuǐ huǒ tǔ*), объяснявшего смену династий (так царство Чжоу, поддерживаемое огнём, уступило место империи Цинь, т.к. началось действие стихии воды)²⁴. Поиски бессмертия стали нереализованной мечтой правителя. Даосский маг Сюй Фу (徐福) рассказал императору, что в океане есть три священных острова (горы), населённые небожителями, именно там можно найти чудесный эликсир, нектар богов, дарующий бессмертие. Цинь Ши-хуанди приказал снарядить экспедицию. Три тысячи юношей и девушек во главе с Сюй Фу были отправлены на поиски островов [Васильев, 2001: 241]²⁵. Как уже было сказано, считается, что именно из этой местности, где расположен современный город Циньхуандао (秦皇島, *Qínhuángdǎo* — дословно «Остров императора Цинь Ши-Хуана»), единственный в Китае названный в честь императора, и было совершено описываемое путешествие.

Помимо прочего, Цинь Ши-хуанди знаменит своим погребальным комплексом (г. Сиань, провинция Шэньси, открыт в 1974 г.) с 8-тысячной терракотовой армией. Отсылкой к этому мавзолею служит скульптурная группа императорского кортежа: колесница, запряжённая шестёркой лошадей в сопровождении воинов, которая встречает посетителей парка (рис. 8). Группа служит напоминанием того, что одним из методов руководства и контроля за управлением единым государством служили путешествия императора.

Рис. 8. Скульптурная группа. Императорский кортеж. На переднем плане ритуальный котёл для варки мяса «дин».

Fig. 8. The Emperor's Cortege. Ritual cauldron for cooking meat (In the forefront).

За статуей Цинь Ши-хуанди возвышается искусственный холм, к которому ведёт парадная лестница. На холме расположен «Храм бессмертия» (求仙殿 *qiúxiān diàn*) — музей, посвящённый культу предков, известным алхимикам того времени (Лу Шэн, Сюй Фу, Хань Чжун, Хоу Гун и Ши Шэн), их влиянию на культуру Китая, Японии и Кореи.

Смысловые компоненты парка как отражение современной китайской идентичности

Несмотря на то, что парк представляет собой опыт современной ландшафтной архитектуры, он несёт в себе характерные национальные черты современного Китая. В то же время с точки зрения стиля, он ближе к императорским паркам — хуанцзя

²⁴ Сыма Цянь, 2003. С. 63-64.

²⁵ Сыма Цянь, 2003. С. 70.

юаньлинь (皇家园林 huángjiā yuánlín), которые представляли собой выделенную территорию естественного ландшафта, преобразованную согласно замыслу и обнесённую стеной. Такие парки строились с учетом направлений сторон света, дуалистических принципов инь-ян и теории «пяти стихий» (у-син, 五行 wǔxíng), подразумевавших наличие на территории гор и водоёмов, сочетание светлых и затенённых участков и т.п. Такие парки интегрировали в себе ритуальную и обыденную функции, т.е. служили как местом для отправления ритуалов, так и для отдыха правящей элиты²⁶. При Цинь Ши-хуанди в столице империи Сяньяне был построен огромный дворцово-парковый комплекс, реализованный как символическое изображение всего царства, «модель Поднебесной», где район дворцовых построек соответствовал шести феодальным государствам, а весь комплекс осуществлял магическую функцию контроля территории по принципу подобия²⁷. Для традиционных китайских садов, как считает Н.А. Виноградова, в целом характерны «сочетание рукотворного пейзажа с природными формами», стремление избежать повторов, наличие отграниченных территорий (частей), создание ощущения пространственности и бесконечности, многообразие форм, асимметрия, отсутствие регулярности [Виноградова, 2010: 158]. Китайский сад, по словам исследовательницы, стремится в ограниченном пространстве «передать в обобщённой форме все важнейшие особенности национального ландшафта с его горами, реками, озерами, водопадами, зарослями бамбука, далеко открывающимися видами» [Виноградова, 2010: 158].

Подробно рассмотрев локацию и основные элементы парка «Молитвы императора» в единстве его материальных и смысловых составляющих, обозначим ключевые формы репрезентации в нём китайской культурной идентичности.

Парк как продуманное архитектурное произведение задаёт траекторию движения и пространственные условия

восприятия образов. Сам тип китайского сада может быть охарактеризован как один из символов этой культуры. Выигрышность парка «Молитвы императора» по сравнению с другими китайскими парками состоит в использовании побережья Жёлтого моря, что маркирует Китай в т.ч. и как морскую державу. Парк ведёт посетителей согласно логике развертывания исторических событий: от эпохи Чжаньго (Период Сражающихся царств), представленной чередой небольших отграниченных зелёными изгородями ассиметричных локаций, к открытой площади с искусственной горой, парадной лестницей, дворцом и статуей императора Цинь Шихуанди (создание единого централизованного государства). В данном аспекте культурная идентичность конструируется из единства исторической памяти. Само пространство наполнено «сильными образами», отражающими национальную специфику и дистанцирующимися от повседневного, а также иностранного, глобального. Так, в тематической зоне парка нет посторонних объектов: магазинов с сувенирами, напитками или едой, лавочек для отдыха, рекламы и т.п. Специальное место для торговли отведено сбоку от основной площади и не отвлекает посетителей. Парк ставит перед собой цель познакомить туристов с нематериальными достижениями эпохи Чжаньго, визуализируя их с помощью стилизованных построек, скульптур и рельефов. Ценность учёности, здоровья и долголетия, медицинских практик, поэзии, технологий административного управления государством, как и значение религиозно-философских направлений (даосизм, конфуцианство, инь-ян) для развития китайской государственности, — всё это воплощается в материальных формах, органично вписанных в рукотворный ландшафт. Это стилизованное сооружение академии Цзися, статуи, посвящённые врачу Бянь Цюэ, поэту Цюй Юаню, императору Цинь Шихуанди, Лао Цзы.

Язык как один из важнейших системообразующих факторов национальной иден-

²⁶ Новикова, с. 65.

²⁷ Там же, с.68-69.

тичности маркируется с помощью рельефов, отображающих его развитие от древнего письма, запечатлевающих и обыгрывающих в символической форме устойчивые смыслы афоризмов, сложившиеся в другую историческую эпоху, но актуальные сегодня. Уделено внимание роли музыки для гармонизации общественных нравов. Вписаны в контексты истории и пространства культурные артефакты, ставшие национальными символами, — нефритовый диск, ритуальный сосуд дин и маска тао-тэ, диаграмма багуа, китайский гороскоп.

Думается, визуальные образы парка отобраны не случайно. Акцентируя требуемое для усвоения и запоминания, парк умалчивает о «минусах» периода (например, в 221 г. до н.э. казнь конфуцианских философов как оппонентов режиму, сожжение книг конфуцианского толка, а также исторических хроник «Шицзин», «Шуцзин»; малый период существования империи Цинь — всего 15 лет; обеднение и недовольство населения в результате масштабных государственных проектов, жёсткого и нерационального администрирования и т.д.). Идея бессмертия, вынесенная в название парка, трансформируется из мечты о физическом долголетии в современную метафору мужества, целеустремленности, открытий на благо общества. Напомним: ещё Б. Андерсон отмечал, что именно в идее нации, минуя религиозные коннотации, преодолевается фатальность смерти, на смену страху индивидуальной конечности утверждается идея преемственности [Андерсон, 2001: 34–35]. При этом незапланированная, стихийно проявившаяся, черта традиционной китайской культуры, может быть усмотрена в традиции завязывания красных ленточек на кустах и деревьях (около строения академии Цзися, скульптур Бянь Цюэ и императора), туристической практике тереть голову скульптуре врача и т.д.

Все перечисленные компоненты представляют собой значимые культурные ценности, воплощённые в парковом дизайне. Посредством архитектурных решений предлагаются «сильные образы», которые могут быть интерпретированы как «то

общее», что помогает понять национальную самобытность культуры как для «своих», так и для сторонних наблюдателей.

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, можно заключить, что модель репрезентации китайской культурной идентичности на примере ландшафтного парка «Молитвы императора» в г. Циньхуандао построена на осознанном обыгрывании нарратива единства, генерируемого посредством «сильных образов», формирующих специфическую модель китайской идентичности. Эта идентичность с помощью вербальных и невербальных средств способствует выстраиванию идеологии государственного развития КНР в контексте процессов глобализации с учётом ярко выраженной потребности акцентировать уникальную самобытность Китая. Смысловыми компонентами этой идентичности служат как масштабные макросоциальные установки (государственное единство, мощь, технологии социального управления и развития — наука, просвещение, медицина, технические успехи), так и установки частного уровня — на единство и сплочённость группы (профессиональной, возрастной и т.д.) при условии её «вписанности» в макросоциальные процессы преобразования. Выделяется особая роль героя — политического лидера (на первом месте здесь оказывается император), учёного, поэта, врача или философа.

Ландшафтно-архитектурные решения поддерживают эти акценты за счёт «игры» с объёмами, линейностью и нелинейностью; что проявляется в специфике сочетания объектов, гетерогенности привлекаемых жанров и видов искусства (ландшафтный дизайн, скульптура, архитектура, танец, музыка, поэзия и т.д.) и сопряжение способов их восприятия. Обращают внимание также особенности визуализации тех или иных «идеологокультурологем» (в том числе, визуализация письменных документов) и распределение различных элементов пространства в соответствии с конструированием

нарратива о целенаправленной истории, сформировавшей в итоге *именно этот Китай* сегодняшнего дня. Таким образом «тренд на китаизацию», т.е. направленность на осознание и манифестацию китайской специфики как «сильной» стратегии лидера

глобальных изменений, раскрывается через организацию парка как смыслопорождающей среды, включающей исторические сведения в общий план направленного генерирования идентичности.

Список литературы:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. — Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково-Поле, 2001. — 288 с.
- Васильев Л. С. Древний Китай. Т.1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — Москва: Восточная литература, 1995. — 379 с.
- Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. — Москва: Восточная литература, 2001. — 487 с.
- Виноградова Н. А. Китай, Корея, Япония: образ мира в искусстве. — Москва: Прогресс-традиция, 2010. — 288 с.
- Зуенко И. Ю. Полдень, XXI век: Китай в эпоху Си Цзиньпина. — Москва: АСТ, 2024. — 301 с.
- Инишев И. Пространственность образности // Торос: философско-культурологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 116–125.
- Кошевой С. А. Особенности развития Древнего Китая в период Чжаньго // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. — 2014. — № 11-12. — С. 34–40.
- Лисенкова А. А. Ценностно-смысловые основания формирования российской социокультурной идентичности // Гражданственность. Культура. Религия. — Пермь: Пермский государственный университет, 2022. — С. 13–24
- Луман Н. Общество общества. Кн. 4-5: Дифференциация. Самоописания. — Москва: Логос, 2011. — 640 с.
- Медведева Е. В. От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 1. — С. 68–78.
- Пэн Ч. Историко-философский контекст формирования ладовой системы юнь-гун-дяо // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. — 2011. — №4. — С. 4–11.
- Ревзин Г. Как устроен город. — Москва: Strelka Press, 2019. — 270 с.
- Семененко И. С. Введение. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. — Москва: Весь Мир, 2023а. — С. 9–16
- Семененко И. С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. — Москва: Весь Мир, 2023б. — С. 18–26.
- Силантьева М. В., Глаголев В. С. Моральные парадоксы эпохи турбулентности // Концепт: философия, религия, культура. 2024. — Т. 8, № 1. — С. 160–162. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-160-162>
- Солодовникова О.Н. Искусство Китая. — Москва: АСТ, 2023. — 192 с.
- Чэнь Я., Фомина М. Н. Теория культурной идентичности Чжэн Сяюня // Концепт: философия, религия, культура. 2022. — Т. 6, № 3. — С. 7–21. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21>
- Wu P. Семантика цветообозначения красный в китайской и русской лингвокультурах // Litera. — 2019. — № 6. — С. 137–146. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.6.31474>
- 郑晓云：《文化认同论》，北京：中国社会科学出版社，1992，286页。[Чжэн С. Теория культурной идентичности. — Пекин: Издательство социальных наук Китая, 1992. — 286 с.]. (На китайском).

References:

- Anderson, B. (1991) *Imagined communities : reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso. (Russ. ed.: (2001) *Vobrazhaemye soobschestva : razmysleniya ob istokach i rasprostraneniі nacionalizma*. Moscow: KANON-Press-C Publ.).
- Chen, Y. and Fomina, M. N. (2022) 'Zheng Xiaoyun's Theory of Cultural Identity', *Concept: philosophy, religion, culture*, 6(3), pp. 7–21. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21>
- Inishev, I. (2011) 'Prostranstvennost' obraznosti [Spatiality of imagery]', *Topos*, (1), pp. 116–125. (In Russian).
- Koshevi, S. A. (2014) 'Features of Development of Ancient China during the Warring States', *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, (11–12), pp. 34–40. (In Russian).
- Lisenkova, A. A. (2022) 'Tsenostno-smyslovyye osnovaniya formirovaniya rossiyskoy sotsiokul'turnoy identichnosti [Value-semantic foundations for the formation of Russian socio-cultural identity]', in *Grazhdanstvennost'. Kul'tura. Religiya* [Citizenship. Culture. Religion]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy universitet Publ., pp. 13–24. (In Russian).
- Luhmann, N. (1997) *Die Gesellschaft der Gesellschaft, Zweiter Teilband. Kapitel 4-5*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (Russ. Ed.: (2011) *Obshchestvo obshchestva. Kn. 4-5: Differentsiatsiya. Samoorganizatsiya*. Moscow: Logos).
- Medvedeva, E. V. (2022) 'From Garden-City Concept to Park-City Concept: using the Urban Metaphor in the Text of the City', *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (1), pp. 68–78. (In Russian).
- Peng, C. (2011) 'Historical and philosophical context of the formation of the yun-gong-diao modal system', *The Actual problems of high musical education*, (4), pp. 4–11. (In Russian).
- Revzin, G. (2019) *Kak ustroyen gorod* [How the city is arranged]. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Semenenko, I. S. (2023a) 'Identichnost' kak resurs obshchestvennogo razvitiya [Identity as a resource for social development]', in *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Nove konturi issledovatel'skogo polya* [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]. Moscow: Ves mir Publ., pp. 18–26. (In Russian).
- Semenenko, I. S. (2023b) 'Vvedeniye. Identichnost' v meynstrime politicheskoy nauki i v fokuse publichnoy politiki [Introduction: Identity in the Mainstream of Political Science and in the Focus of Public Policy]', in *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Nove konturi issledovatel'skogo polya* [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]. Moscow: Ves mir Publ., pp. 9–16. (In Russian).
- Silantieva, M. V. and Glagolev, V. S. (2024) 'Moral Paradoxes of the Age of Turbulence', *Concept: philosophy, religion, culture*, 8(1), pp. 160–162. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-160-162>
- Solodovnikova, O. N. (2023) *Iskusstvo Kitaya* [Art of China]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Vasiliev, L. S. (1995) *Drevniy Kitay. T.1. Predystoriya, Shan-In', Zapadnoye Chzhou (do VIII v. do n. e.)* [Ancient China. Vol. 1. Prehistory, Shang-Yin, Western Zhou (before the 8th century BC)]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (In Russian).
- Vasiliev, L.S. (2001) *Kul'ty, religii, traditsii v Kitaye* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian).
- Vinogradova, N.A. (2010) *Kitay, Koreya, Yaponiya: obraz mira v iskusstve* [China, Korea, Japan: the image of the world in art]. Moscow: Progress-traditsiya Publ. (In Russian).
- Wu, P. (2019) 'Semantics of red color designation within Chinese and Russian languacultures', *Litera*, (6), pp. 137–146. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.6.31474>
- Zheng, X. (1992) *Wen hua ren tong lun* [Cultural Identity Theory]. Beijing: Zhong guo she hui kexue chu ban she Publ. (In Chinese).
- Zuenko, I. Yu. (2024) *Polden', XXI vek: Kitay v epokhu Si Tszin/pina* [Noon, XXI century: China in the era of Xi Jinping]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Мария Сергеевна Лютаева — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Кунь Лю — аспирант кафедры философии и религиоведения, старший преподаватель кафедры английского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Maria S. Lyutaeva — PhD in Philosophy, Senior lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, 600000 (Russia)

Kun Liu — PhD student, Department of Philosophy and Religious Studies; Senior lecturer, English language department, Faculty of Pedagogy, Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, 600000 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 12.03.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 12.03.2025.